

«ПУСТЬ БУДЕТ...»

Татьяна
НИКОЛАЕВА

Поэта Александра Ибрагимова я сначала узнала стихами в 1977 году, купив в киоске журнал «Огни Кузбасса». Стихотворение, которое меня потрясло, начиналось словами:

Пусть будет каждому любовь
За все падения расплатой...

Поскольку я со школьной парты была чтецом, то сразу выучила стихотворение и постоянно повторяла его в себе как заклинание. И недоумевала: этот поэт вот просто так живет в Кемерове, совсем рядом, и ходит по улицам, пьет газировку, обедает в столовке и смотрит на это же небо? Прямо живой среди нас?! Я тогда еще не видела живых поэтов, а тем более не думала о том, что сама когда-нибудь войду в это таинственное братство, говорящее необыкновенным языком.

Лично с Александром Ибрагимовым я познакомилась только в 1980 году на областном семинаре «Притомье», куда попала в качестве семинариста (обсуждали мою первую рукопись). Вернее, я оказалась «прикрытой» от жесткой критики старших мэтров плотной, спянной дружбой, командой молодых тогда (но имеющих каждый свой голос) поэтов-единомышленников: это Сергей Донбай, Александр Ибрагимов, Николай Колмогоров, Леонид Гержидович, Виталий Креков, Владимир Соколов. Собравшись вместе, все читали свои стихи, поражая разнообразием, как поражать может только природа: тут тебе и недоступная тайга, и слепой дождь, и порывы свежего ветра, и молнии, и град, и лепет ручейка под ногами, и дурман цветущей лесной опушки, и взвизги журавля...

Я тогда была Татьяной Кармановой, и на семинар меня собственноручно привез муж, художник Виталий Карманов. Ему понравилось литературное действие, почему и сказал: «Вот тут ты будешь учиться и расти... в меру поэта».

Мы тогда жили вдвоем в трехкомнатной квартире, и кемеровчанам-стихотворцам, приезжающим в Новокузнецк, уже было где переночевать, перекусить с дороги и собраться с новокузнецчанами для общения.

Александр сразу заметил, что я слабо начитанна, и не только в современной поэзии. Первой книгой, пришедшей в мою жизнь из его рук, была книга стихов Мак-

симилиана Волошина. Мы тогда, как правило, читали стихи по кругу рассчитывать на публикации было сомнительным делом, а стихи-то рождаются каждый божий день!.. Мои стихи Ибрагимов никогда не критиковал, но непременно указывал на слабые места с объяснениями, почему он считает их слабыми. Мне это нравилось — заставляло думать, анализировать, читать, экспериментировать.

Стихи друзей он любил самозабвенно, и если мне что-то не нравилось, он с легкой досадой и обидной поначалу снисходительностью комментировал: «Ты просто не понимаешь... или не чувствуешь. Ничего. Подрастешь — почувствуешь — поймешь — полюбишь...» (Это моя память, он говорил как-то распространенней и мягче, как будто по голове гладил дурака: круглая, мой маленький, круглая — из советского анекдота.) И вслух по памяти озвучивал стихотворение, на которое я пфэкнула. В его исполнении оно неожиданно наполнялось глубиной, цветом, даже запахом и становилось прозрачным и осязаемым, как сердолик, вынутый и вылизанный из мелководной притомской или алтайской речушки.

Стиль чтения Александра — чисто поэтический (я бы сказала — поэтовский!), к этому пришлось привыкать и принаравливаться, раздалбливая все (водруженные во мне) декорации чтеца. И я поняла, что декламация мешает мне входить в Поэзию: утяжеляет, обволакивает, как тinou, замутняет чем-то посторонним слово, размывает ритм. Понимание ломало меня как «зависимого». От чего? Позже поняла... Так потихоньку Александр затачивал мой убогий литературный дар на настоящее в стихах: живое, пульсирующее, как кровь в сердце, слово должно уметь очищаться от всего (особенно — довлеющего) извне.

Он стал и всю жизнь был моим Учителем в литературе; и самое главное, что он делал — открывал для меня новые имена, то есть новые миры, стили, судьбы (перечислять не буду, список велик). Он любил Поэзию и не скупился расточать это чувство во все стороны, даже в те, откуда его веником выметали... Я влюблялась в тех, кого он мне открывал, но Александр бдительно оберегал от подражательности, мимикрии, требуя от автора не только быть самим собой, но писать собой, свое — и вглубь. Как чувствуешь и видишь.

Его самого публиковали не очень «богато» (зело непредсказуем — чего riskовать?), и я в основном узнавала его новые вещи из рукописей или на слух в наших неизменных «по кругу». Он же и научил меня воспринимать поэзию на слух: я больше тяготела к тексту (впрочем, как и сейчас; видимо, это слишком индивидуальные свойства).

Но самое главное, чему научил меня Ибрагимов, — это любить Поэзию, невзирая на личные (чисто человеческие) пристрастия или неприязни. Иллюстрации сего сопутствовали безостановочно... Если человек — поэт и ты чувствуешь это в его стихах и ценишь, любишь, все остальное (сложность характера, случайные болезненные столкновения в качке времени, те или иные его косяки в злобе дня) не имеет права

определять твоё отношение к нему, поэту! «А кто из нас не сложен? А кто из нас в качку не блюет? А кто из нас в давке не отдал ногу брату?..»

Со временем мнения друзей расходились, качка росла, давка усугублялась (конец 80-х). Были периоды, когда мы с Александром Ибрагимовым годами не общались. Первый — когда он с семьёй уехал жить на Алтай (в За-Мульту). Начавшаяся было переписка быстро осеклась из-за получения откровенно вскрытых писем (и ко мне в Новокузнецк, и к нему в Мульту). Что я подумала о читателях этих писем — умолчу. Но в это же бдительно отслеживаемое время я меняю комсомольско-педагогическую деятельность на геологическую робу в низшем чине. Так надо было. Мне. Тогда.

Годы спустя Александр Ибрагимов привносит в мир изумительную книгу-откровение, написанную настолько простым и порой грубым языком, что я Ибрагимова узнаю только по внутреннему нравственному вектору стихов. Это — «Тело судьбы».

Я, оказавшись без его наставничества и всеми силами выгребаясь из инвалидности после перенесенного серозного менингита в джунглях тайги Кузнецкого Алатау, тоже менялась в стихах. Когда пересеклись в Новокузнецке, моего учителя изменения порадовали. Когда же я приняла святое крещение и он узнал, что я общаюсь с фотографами Воробьевым и Соколаевым, он тут же поволок меня к ним, потому что они были его друзьями и уже «допиливали» до его Мульты на велосипедах.

Позже я стала Татьяной Соколаевой, моя жизнь покинула богемное русло и, пройдя неизбежные перекаты, развернулась так круто, что пришлось полностью уйти «в себя», чтобы не оставаться брызгами направо и налево (90-е годы)...

А ветер дул, с костей сдувая мясо
И радуя прохладой скелет...

(В. Высоцкий)

Я не знала, что у Александра в судьбе происходило нечто аналогичное. У него уже была Наталья. Перед ним уже распахнулось будущее, которого не знал ни он, ни его любимая, красивая, нежно-восточная Наталья, ни мы — Соколаевы Вова и Таня с младенцем у груди... Как прекрасны перекаты! Как опасны перекаты...

Меня (через мой перекат) занесло в монастырь с малолетней дочерью. Александра его перекат занес в Томск к его возлюбленной Наталье... Встретились снова мы уже в новом тысячелетье, но отношения учитель-ученик продолжались. Иначе и быть не могло. Я всю жизнь любила учиться, а Александр всю жизнь жил с распахнутым сердцем и бодрствующим умом, отдавая как поэт весь свой опыт, всю свою любовь тем, кто способен и хочет это взять.

Быть руководителем литературной студии, видимо, было его призванием, до которого пришлось преодолеть немало перекатов. К своим (очень разным!) начина-

ющим и молодым в мастерской «Аз» при Кемеровском университете он относился с таким трепетным вниманием и благоговением, что я дивлюсь: как же он все это может удерживать в сердце, уме? Это ж какую по объёму душу надо иметь, чтобы ей, как атмосферой, дышал такой большой круг совершенно разных людей?! Вскользь вспоминаю, что в родительской семье Сашу с его стихами и философскими поисками воспринимали как «малость того» — несерьёзно. Отец так и не смирился с выбором сына, хотя именно отцом собранная библиотека была той живой удобренной и обильно политой непогодой действительностью, на которой выросла новая поэзия нового века. Александр взял под свою ответственность (положив на сердце) все это «новое».

И, конечно же, когда вдруг (все перестройки чреватые этим) Ибрагимов получал от бывших братьев по перу или оперившихся в его студии «пестунков» удары, ему было очень больно. Но он тут же списывал свою реакцию на «все остальное» и прощал. Мол, случилось, с кем не бывает? И никогда не вспоминал, по крайней мере не озвучивал случившееся. Никогда. А сердце и память неизбежно хранили на себе все рубцы от ударов — так устроена природа человеческая. Он учил меня не откликаться словом на такие удары. А я ведь помнила и помню:

Пусть будет каждому любовь
За все падения расплатой.
И будет каждому распятыё,
Чтоб понимал чужую боль...